

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А

города Москвы

С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 114

28 мая 2026 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием заявителя Со. (ранее Ст.) Л.В., действующей в личном качестве и в качестве генерального директора ООО «К.», адвоката Т. и ее представителя – адвоката Г. (удостоверение № ..., выдано Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Москве 21 февраля 2025 года, Ордер от 17 мая 2026 года № ...), рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобам Со. (ранее Ст.) Л.В. от 15 декабря 2025 года (вх. № ... от ...) и ООО «К.» в лице генерального директора Со. (ранее Ст.) Л.В. от 15 декабря 2025 года (вх. № ... от ...) в отношении адвоката Т. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 08 апреля 2026 года вынесла заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Т. профессиональных обязанностей:

– перед доверителем Со. (ранее Ст.) Л.В., выразившемся в том, что, получив от доверителя 21 февраля, 06 и 07 марта 2025 года на свой личный счет в банке вознаграждение за оказание ей юридической помощи в общей сумме 400 000 рублей по Соглашению № ... от 24 декабря 2024 года, адвокат Т. внесла полученные денежные средства на расчетный счет адвокатского образования (МКА «Ю.») 17 ноября 2025 года, то есть после прекращения оказания юридической помощи, и не выдала доверителю Со. (ранее Ст.) Л.В. финансовые документы о совершении операций с ее денежными средствами в порядке, установленном действующим законодательством;

– перед доверителем ООО «К.», выразившемся в том, что, получив от доверителя 30 января 2025 года на свой личный счет в банке вознаграждение за оказание юридической помощи по Соглашениям № ... от 24 декабря 2024 года, № 3 и № 4 от 28 декабря 2024 года в общей сумме 350 000 рублей, адвокат Т. внесла полученные денежные средства на расчетный счет адвокатского образования (МКА «Ю.») 17 ноября 2025 года, то есть после прекращения оказания юридической помощи, и не выдала Обществу финансовые документы о совершении операций с его денежными средствами в порядке, установленном действующим законодательством;

2) о ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Т. профессиональных обязанностей перед доверителем ООО «К.», выразившемся в том, что, заключив с доверителем Соглашение № 1 от 24 декабря 2024 года об оказании юридической помощи по сопровождению деятельности Общества, адвокат Т. не оказала доверителю никакой юридической помощи, а также в том, что, заключив с доверителем 28 декабря 2024 года Соглашение № 3 об оказании юридической помощи в Арбитражном суде Московской области по делу об истребовании у Ст. П.Э.Л. документов общества, адвокат Т. самоустранилась от оказания юридической помощи по соглашению, поручив ее оказание адвокату П.;

3) о ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката (Участвуя в судопроизводстве, а также представляя интересы доверителя в органах государственной власти и органах местного самоуправления, адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства), исполнении адвокатом Т. профессиональных обязанностей перед доверителем Со. (ранее Ст.) Л.В., выразившемся в том, что при оказании доверителю юридической помощи на основании Соглашения № .. от 28 декабря 2024 года по гражданскому делу № ... о разделе имущества супругов Ст., находившемся в производстве Д. городского суда Московской области, адвокат Т., после отмены принятого судом заочного решения по делу, по существу рассматриваемых судом требований истца Ст. П.Э.Л. ограничилась подготовкой в интересах доверителя одного процессуального письменного документа – заявления о пропуске истцом срока исковой давности, в котором не указала никаких сведений либо обстоятельств, относящихся к делу, в том числе не указала, с какой даты и по каким основаниям необходимо исчислять начало течения срока исковой давности, в нарушение требований п. 1 ст. 56 ГПК РФ не приложила к этому заявлению каких-либо доказательств, подтверждающих довод о пропуске срока исковой давности, а также не подготовила никаких иных процессуальных документов по существу спора в защиту интересов доверителя, что повлекло за собой для доверителя Со. (ранее Ст.) Л.В.

фактическую невозможность отстаивания своих интересов в вышестоящих судебных инстанциях;

4) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Т. по жалобе Со. (ранее Ст.) Л.В. от 15 декабря 2025 года (вх. № ... от ...) и по жалобе ООО «К.» в лице генерального директора Со. (ранее Ст.) Л.В. от 15 декабря 2025 года (вх. № ... от ...), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Т. в заседании Совета сообщила, что заключение Квалификационной комиссии получила, ознакомилась с ним, с выводами Комиссии не согласна, поддержала доводы письменных возражений («Правового заключения по дисциплинарному производству от 17.05.2026», вх. № ... от ...), представленных ее представителем – адвокатом Г.

Представитель адвоката Т. – адвокат Г. в заседании Совета продублировал и поддержал доводы вышеуказанного «Правового заключения». Полагает, что неоприходование адвокатом Т. полученного гонорара в кассу адвокатского образования является формальным нарушением, которое не порочит честь адвоката и было устранено. Полагает также, что Квалификационная комиссия была не вправе оценивать действия адвоката Т. по ведению дела в Д. городском суде Московской области, считает это неправомерным и недопустимым вмешательством в тактику. В части установленного Комиссией бездействия по Соглашению № 1 (о сопровождении деятельности юрлица) полагает, что Комиссия неверно установила фактические обстоятельства, поскольку юридическая помощь адвокатом Т. оказывалась. Просил Совет признать, что в действиях адвоката отсутствуют грубые или системные нарушения профессиональных обязанностей, и прекратить дисциплинарное производство вследствие малозначительности, а в случае несогласия с этим предложением ограничиться замечанием, учитывая отсутствие ущерба.

Заявитель С. Л.В. в заседании Совета сообщила, что заключение Квалификационной комиссии ею получено, с выводами Комиссии согласна в полном объеме, поддержала свое письменное заявление от 24 мая 2026 года (вх. № ... от ...), в котором она, помимо согласия с заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, также дала оценку приведенным выше письменным возражениям («Правовому заключению») представителя адвоката Т., охарактеризовав их как «бумагу с громкими регалиями», содержащую явные манипуляции. Просила прекратить статус адвоката Т., в результате действий которой она, по ее мнению, лишилась права на половину дома и земельного участка.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав его участников, соглашается с заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

Адвокат Т. заключила с заявителем Со. (ранее Ст.) Л.В., действующей в личном качестве и в качестве генерального директора ООО «К.», четыре соглашения об оказании юридической помощи, а именно:

- Соглашение от 24 декабря 2024 года № 1 на *«оказание юридических услуг по сопровождению фирмы ООО «К.»*, размер вознаграждения по которому определен в 300 000 рублей;

- Соглашение от 28 декабря 2024 года № 2 в интересах Со. (ранее Ст.) Л.В. на *«участие в гражданском деле по разделу имущества в Д. райсуде Московской области»*, размер вознаграждения по которому определен в 500 000 рублей;

- Соглашение от 28 декабря 2024 года № 3 на *«подачу искового заявления и ведение гражданского дела по истребованию финансовых документов фирмы ООО «К.» в Арбитражном суде Московской области»*, размер вознаграждения по которому определен в 500 000 рублей.

- Соглашение от 28 декабря 2024 года № 4 в интересах ООО «К.» на *«подачу заявления и ведение уголовного дела»*, размер вознаграждения по которому определен в 500 000 рублей.

Оплата по соглашениям была осуществлена в общем размере 900 000 рублей следующим образом:

- 25 декабря 2024 года ООО «К.» перевело на расчетный счет МКА «Ю.» 150 000 рублей по Соглашению № 1;

- 28 декабря 2024 года ООО «К.» перевело на личный банковский счет адвоката Т. 51 000 рублей по Соглашению № 1;

- 30 января 2025 года ООО «К.» перевело на личный банковский счет адвоката Т. 119 000 рублей по Соглашению № 1 (двумя платежами);

- 30 января 2025 года ООО «К.» перевело на личный банковский счет адвоката Т. 180 000 рублей в качестве предоплаты по Соглашению № 4;

Со. (ранее Ст.) Л.В. перевела на личный банковский счет адвоката Т. по номеру телефона: 21 февраля 2025 года – 100 000 рублей; 06 марта 2025 года – 100 000 рублей; 07 марта 2025 года – 200 000 рублей.

Адвокат Т. приступила к оказанию юридической помощи и привлекла к ее оказанию адвоката П., которому ООО «К.» 31 января 2025 года выдало доверенность на представление интересов Общества в арбитражных судах со всеми полномочиями, предусмотренными АПК РФ. При этом самой адвокату Т. ни Со. (ранее Ст.) Л.В., ни Общество доверенностей не выдавали, и она их об этом не просила.

Со. (ранее Ст.) Л.В. вела переписку с адвокатом Т. по вопросам оказания юридической помощи в мессенджере, в том числе в чате с названием «Ф.» с участием адвоката П.

После 06 июля 2025 года никакой юридической помощи адвокатом Т. никому из заявителей не оказывалось.

28 августа 2025 года Со. (ранее Ст.) Л.В. отправила адвокату Т. в мессенджере сообщение следующего содержания: *«Е. В., я обратилась к Вам*

с 2мя задачами: 1) вернуть мой бизнес, поставив на место пера; 2) вернуть мой дом. Вы сказали надо 3 дела (уголовное, Дом, документы) и что это будет стоить 1,800 млн общей суммы. На сегодня 9 месяцев спустя часть дома я возможно уже потеряла, по документам и уголовному делу результатов от Вашей работы «0». Поэтому я вынуждена разорвать соглашения и прошу Вас вернуть оплаченный мною гонорар в размере 50% (900 тысяч рублей) мне на карту, можно по номеру телефона на Сбербанк».

30 сентября 2025 года Со. (ранее Ст.) Л.В. отправила адвокату Т. Почтой России претензию, в которой было указано на недостижение поставленных задач, неоказание квалифицированной юридической помощи, и содержалось требование о возврате 900 000 рублей вознаграждения. Указанное почтовое отправление вручено адресату 07 октября 2025 года.

Ответ от 10 октября 2025 года на вышеуказанную претензию был отправлен адвокатом Т. 10 ноября 2025 года Почтой России вместе с актом выполненных работ по соглашениям от 01 октября 2025 года. Указанное почтовое отправление вручено адресату 18 декабря 2025 года.

В жалобах в отношении адвоката Т. выдвинуты многочисленные дисциплинарные обвинения, а именно:

- в нарушении требований к формализации отношений с доверителем, в том числе в заключении соглашений путем заполнения бланков от руки, а также в невнесении полученного вознаграждения на расчетный счет или в кассу адвокатского образования;

- в ненадлежащем оказании юридической помощи по всем заключенным соглашениям;

- в неэтичном профессиональном поведении, выразившемся в том, что адвокат Т. давала Со. (ранее Ст.) Л.В. обещание положительного результата по гражданскому делу, находившемуся в производстве Д. городского суда Московской области, и предлагала ей «неформальное решение вопросов с использованием личных связей в ГСУ ГУ МВД по городу Москве».

Рассматривая дисциплинарные обвинения в нарушении адвокатом Т. требований к формализации отношений с доверителем, Совет пришел к следующим выводам.

В соответствии с п. 1, 2 и 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем. Соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу. Вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, подлежит обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением.

Совет и Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы ранее неоднократно указывали, что надлежащее исполнение адвокатом своих

обязанностей перед доверителем предполагает не только оказание квалифицированной юридической помощи, но и оформление договорных правоотношений в строгом соответствии с законом, что, в свою очередь, позволяет адвокату рассчитывать на доверие со стороны лица, обратившегося к нему за квалифицированной юридической помощью (*Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты г. Москвы // Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2011. Выпуск № 7, 8, 9 (93, 94, 95). С. 17.; Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2012. Выпуск № 1, 2, 3 (99, 100, 101). С. 99).*

Именно адвокат как профессиональный участник правоотношений, связанных с заключением, исполнением и расторжением соглашения об оказании юридической помощи, обязан принимать меры к тому, чтобы все процедуры, относящиеся как к процессу заключения соглашения об оказании юридической помощи, так и к надлежащему оформлению полученных от доверителя денежных средств, соответствовали требованиям законодательства и не нарушали права и охраняемые законом интересы доверителя. Несоблюдение адвокатом этой обязанности существенным образом нарушает права и законные интересы доверителя (ухудшает его положение), поскольку влечет за собой возникновение состояния неопределенности в правоотношениях адвоката и доверителя, может затруднить заявителю защиту его прав и охраняемых законом интересов в рамках указанных правоотношений, в том числе решение вопросов, связанных с урегулированием его финансовых притязаний.

В п. 4 Обзора дисциплинарной практики за 2019 год и первое полугодие 2020 года по вопросам, связанным с исполнением финансовых и/или иных договорных обязательств адвоката перед доверителем отмечается, что предусмотренная п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» публичная обязанность адвоката по внесению полученного вознаграждения на расчетный счет либо в кассу адвокатского образования, применяемая в единстве с обязанностью адвоката честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами (пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката), применительно к вопросам формализации отношений с доверителями означает обязанность адвоката обеспечивать получение доверителем финансовых документов, подтверждающих внесение денежных средств, уплаченных в счет вознаграждения адвоката, на расчетный счет либо в кассу адвокатского образования (*Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты города Москвы за 2019 год и первое полугодие 2020 года по вопросам, связанным с исполнением финансовых и/или иных договорных обязательств адвоката перед доверителем опубликован в открытом доступе на официальном сайте Адвокатской палаты города*

Москвы в информационно-телекоммуникационной сети Интернет <<https://www.advokatymoscow.ru/>>).

При этом в тех случаях, когда адвокатом были допущены нарушения порядка (формы) заключения соглашения с доверителем, порядка оприходования полученных от доверителя денежных средств, адвокат в период действия соглашения с доверителем имеет возможность устранить допущенные нарушения.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокатом Т. с Со. (ранее Ст.) Л.В., действующей в личном качестве и в качестве генерального директора ООО «К.», были заключены в письменной форме четыре перечисленные выше соглашения об оказании юридической помощи. Экземпляры этих соглашений у заявителей имеются. Использование адвокатом при заключении соглашения с доверителем бланков и/или типовых форм с внесением недостающей информации в виде рукописных записей требованиям законодательства и профессиональной этики не противоречит, в связи с чем в этой части Совет приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства.

Вместе с тем, как указано выше, в счет оплаты юридической помощи по заключенным соглашениям Со. (ранее Ст.) Л.В. перевела на личный банковский счет адвоката Т. в период с 21 февраля по 07 марта 2025 года 400 000 рублей, а ООО «К.» 30 января 2025 года перевело на личный банковский счет адвоката Т. 350 000 рублей. Таким образом, всего на личный банковский счет адвоката Т. в качестве вознаграждения за оказание юридической помощи по заключенным ею с заявителями соглашениям было перечислено 750 000 рублей. На расчетный счет МКА «Ю.» 25 декабря 2024 года ООО «К.» был совершен единственный платеж по Соглашению № ... в размере 150 000 рублей.

Адвокат Т. представила сведения о перечислении ею 17 ноября 2025 года на расчетный счет МКА «Ю.» суммы в размере 750 000 рублей «*в оплату по соглашениям № 1, 2, 3, 4 от Ст. Л.В.*». Документов, подтверждающих оформление и выдачу финансовых документов заявителям, адвокатом Т. не представлено.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу об обоснованности рассматриваемых дисциплинарных обвинений в ненадлежащем исполнении адвокатом Т. профессиональных обязанностей перед заявителями Со. (ранее Ст.) Л.В. и ООО «К.» при описанных обстоятельствах.

К такому же выводу Совет пришел и в отношении дисциплинарного обвинения в некачественном оказании адвокатом Т. юридической помощи заявителю С. Л.В. по Соглашению от 28 декабря 2024 года № 2. При этом Совет вновь отмечает, что дисциплинарные органы адвокатского самоуправления не вмешиваются в тактику ведения конкретного дела, самостоятельно определяемую адвокатом как независимым профессиональным советником по правовым вопросам (абз. 1 п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в

Российской Федерации»). Претензии заявителя в части, касающейся выбранной адвокатом тактики ведения дела, не могут служить основанием для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности. Адвокат самостоятельно определяет тот круг юридически значимых действий, которые он вправе и обязан совершить в интересах доверителя на основании заключенного с последним соглашения об оказании юридической помощи. Общими ориентирами при этом для адвоката служат положения п. 2 ст. 2 и п. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», а также предписания соответствующего отраслевого законодательства. Самостоятельное и независимое толкование закона также является неотъемлемым правом адвоката как независимого советника по правовым вопросам.

Применительно к рассматриваемому дисциплинарному обвинению в жалобе заявителя указано не на тактические решения и действия адвоката Т., а на ее формальный и поверхностный подход к оказанию юридической помощи, на отсутствие правовой позиции и аргументации в ее обоснование, в том числе каких-либо доводов в поддержку позиции доверителя, помимо довода об истечении срока исковой давности. По этой причине Совет отклоняет как несостоятельный довод представителя адвоката Т. о недопустимом вмешательстве Квалификационной комиссии в тактику ведения адвокатом дела доверителя.

Адвокат Т. последовательно утверждала, что ею было принято решение сфокусироваться на пропуске истцом Ст. П.Э.Л. срока исковой давности, поскольку данный аргумент является «бесспорным», а *«привлечение второстепенных доказательств могло лишь ослабить эту позицию»*. Кроме того, адвокат Т. также указывала, что не знала о заключении супругами Ст. брачного договора, о его существовании ей стало известно уже в ходе рассмотрения дела судом в феврале 2025 года, в связи с чем ей пришлось менять тактику и позицию по делу.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что по данному делу адвокат Т. участвовала в судебных заседаниях 14, 21 и 26 февраля, 12 и 24 марта, 03 апреля 2025 года, ею были поданы заявления об отмене заочного решения и о пропуске срока исковой давности, а также краткая и мотивированная апелляционные жалобы. Однако сведений о том, что адвокат Т. подготовила и подала какие-либо иные процессуальные документы по существу спора, в материалах дисциплинарного производства не имеется.

С целью оценки профессионального поведения адвоката Т. по приведенным выше критериям Совет считает необходимым привести полный текст заявления о пропуске срока исковой давности, подготовленного и представленного суду адвокатом Т.:

«В производстве Д. городского суда Московской области находится гражданское дело Согласно ст. 196 Гражданского кодекса Российской Федерации общий срок исковой давности составляет три года со дня, определяемого в соответствии со ст. 200 Гражданского кодекса Российской

Федерации. Истцом пропущен установленный законом срок. Согласно абз. 2 ч. 2 ст. 199 Гражданского кодекса Российской Федерации истечение срока исковой давности, о применении которой заявлено стороной в споре, является основанием к вынесению судом решения об отказе в иске. В связи с вышеизложенным и на основании ст. ст. 196, 199 Гражданского кодекса Российской Федерации, ПРОШУ СУД: применить последствия пропуска срока исковой давности и отказать в удовлетворении иска».

Это заявление является чрезвычайно формальным, поскольку содержит лишь ссылки общего характера на нормы ст. 196 и 199 ГК и не содержит никаких иных сведений, подтверждающих обоснованность данного заявления в конкретном деле заявителя, в том числе о том, с какого момента и по каким основаниям необходимо исчислять начало течения срока исковой давности по спору. В тексте заявления отсутствуют вообще какие-либо фактические данные по делу, за исключением его номера. По существу это заявление является лишь формой соответствующего процессуального документа, которая может быть использована в любом ином гражданском деле. При этом к заявлению адвокатом Т. не было приложено никаких документов.

Вопреки утверждению адвоката Т. о корректировке позиции по делу после получения ею в феврале 2025 года информации о наличии брачного договора, заключенного между супругами Ст., ею после отмены заочного решения по делу не представлено суду первой инстанции каких-либо иных процессуальных документов.

Вместе с тем, адвокат Т. как профессиональный участник гражданского судопроизводства должна была знать, что сам по себе факт расторжения брака между супругами в определенную дату не может являться основанием для начала течения срока исковой давности с учетом положений п. 1 ст. 200 ГК РФ и правовой позиции, изложенной в п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 05 ноября 1998 года № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака»: «Течение трехлетнего срока исковой давности для требований о разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов, брак которых расторгнут (п. 7 ст. 38 СК РФ), следует исчислять не со времени прекращения брака (дня государственной регистрации расторжения брака в книге регистрации актов гражданского состояния при расторжении брака в органах записи актов гражданского состояния, а при расторжении брака в суде – дня вступления в законную силу решения), а со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права (п. 1 ст. 200 ГК РФ)». Таким образом, адвокат Т. была не вправе ограничиться лишь подачей формального заявления о пропуске истцом Ст. П.Э.Л. срока исковой давности без проработки и изложения в письменном виде полноценной правовой позиции в защиту доверителя Со. (ранее Ст.) Л.В. по существу спора.

Учитывая изложенные обстоятельства, а также требования к порядку и пределам рассмотрения гражданских дел судом апелляционной инстанции,

установленные главой 39 ГПК РФ, в том числе о невозможности представления дополнительных (новых) доказательств, если они могли быть представлены суду первой инстанции (ч. 1 статьи 327.1 ГПК РФ), Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает, что формальное и крайне небрежное отношение адвоката Т. к выполнению профессиональных обязанностей перед доверителем Со. (ранее Ст.) Л.В. привело к практической невозможности пересмотра решения суда первой инстанции вышестоящими судами ввиду отсутствия в материалах гражданского дела какой-либо доказательственной базы, подтверждающей доводы последней.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Т. в части дисциплинарного обвинения в некачественном оказании юридической помощи при представлении интересов заявителя по гражданскому делу о разделе имущества супругов Ст. опровергнутой, а ее вину в ненадлежащем исполнении профессиональных обязанностей перед доверителем Со. (ранее Ст.) Л.В. – установленной.

Иные доводы жалобы заявителя Со. (ранее Ст.) Л.В., связанные с ненадлежащим оказанием ей юридической помощи по Соглашению от 28 декабря 2024 года № 2, а именно: пассивная позиция по делу, несвоевременная подготовка к судебным заседаниям, необходимость для заявителя самостоятельно общаться с судом, неконкретны, голословны и не подтверждены доказательствами, в связи с чем Совет приходит к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства в данной части.

Рассматривая выдвинутые заявителем ООО «К.» дисциплинарные обвинения в неоказании адвокатом Т. указанному Обществу юридической помощи по Соглашениям № 1, № 3 и № 4, Совет пришел к следующим выводам.

Возражая против обвинений в неоказании юридической помощи по Соглашению № 1, адвокат Т. последовательно указывала, что оказывала Обществу консультационную юридическую помощь в форме устных переговоров с руководителем Общества Со. (ранее Ст.) Л.В., переписки с ней в «рабочем чате» в мессенджере, ссылаясь на сведения приведенные ею в Акте выполненных работ от 01 октября 2025 года, который заявителем не подписан.

Однако из содержания указанной переписки, имеющейся в материалах дисциплинарного производства, усматривается, что она велась Со. (ранее Ст.) Л.В. в чате под названием «Ф.» с адвокатом П. по вопросам обращения с исковым заявлением в Арбитражный суд Московской области. При этом информация в этой переписке в основном предоставлялась заявителем Со. (ранее Ст.) Л.В., а адвокат Т. давала лишь редкие, краткие и незначимые по содержанию комментарии. Отдельная переписка в мессенджере между Со. (ранее Ст.) Л.В. и адвокатом Т. в указанные даты не велась. Из Акта от ... октября 2025 года также следует, что после 20 марта 2025 года никакой юридической помощи по Соглашению № ... не оказывалось вовсе.

Таким образом, доказательства оказания адвокатом Т. юридической помощи по Соглашению № ... в материалах дисциплинарного производства

не содержится, в связи с чем дисциплинарное обвинение Совет признает обоснованным.

К такому же выводу Совет пришел при рассмотрении дисциплинарного обвинения в неоказании адвокатом Т. юридической помощи Обществу по Соглашению № 3. Так, из переписки участников в чате под названием «Ф.» усматривается, что лишь адвокат П. консультировал Со. (ранее Ст.) Л.В. по вопросам оплаты государственной пошлины и подачи иска в Арбитражный суд Московской области, он же выложил в чате проект искового заявления по делу об истребовании документов Общества и обсуждал замечания Ст. Л.В. к его содержанию, а 22 февраля 2025 года сообщил об отправке иска в Арбитражный суд Московской области. Указанное исковое заявление определением Арбитражного суда Московской области от 25 марта 2025 года было оставлено без движения до 25 апреля 2025 года, а определением от 19 мая 2025 года было возвращено истцу. 06 июля 2025 года исковое заявление ООО «К.» в Арбитражный суд Московской области было еще раз выложено адвокатом П. в чате с комментариями для Со. (ранее Ст.) Л.В. Молчаливое присутствие адвоката Т. в чате под названием «Ф.» не может рассматриваться как оказание юридической помощи заявителю ООО «К.».

Кроме того, как указано выше, Обществом «К.» не выдавалась доверенность адвокату Т. на представление интересов общества в Арбитражный суд Московской области, и она не просила об этом. Отсутствие доверенности делало невозможным подписание и подачу ею от имени Общества искового заявления, а также представление Общества в суде без подтверждения самим Обществом в судебном заседании ее полномочий с указанием на это в протоколе судебного заседания в порядке, установленном п. 4 ст. 61 АПК РФ.

Выдача ООО «К.» доверенности на ведение арбитражного дела адвокату П. не освобождала адвоката Т. от личного участия в оказании юридической помощи по заключенному ею с Обществом Соглашению от .. декабря 2024 года №

Вместе с тем, дисциплинарное обвинение в неоказании адвокатом Т. юридической помощи ООО «К.» по Соглашению № 4 не нашло подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства.

Так, адвокат Т. представила в материалы дисциплинарного производства заявление Ст. Л.В. начальнику ОМВД России по городскому округу Д. с талоном-уведомлением от 28 декабря 2024 года № ... (номер по КУСП ...), письмо начальника ОМВД России по городскому округу Д. от 05 июня 2025 года о направлении заявления Ст. Л.В. по факту противоправных действий генерального директора Ст. П.Э.Л. Кроме того, из имеющейся в материалах дисциплинарного производства переписки в мессенджере усматривается, что адвокат Т. обсуждала с Со. (ранее Ст.) Л.В. поведение ее бывшего супруга – Ст. П.Э.Л. применительно к деятельности ООО «К.», запрашивала документы и информацию, связанную с финансовым состоянием Общества, направляла проекты заявлений, рекомендовала совершить те или иные действия.

При таких обстоятельствах дисциплинарное производство в этой части подлежит прекращению.

К такому же выводу Совет пришел и в части дисциплинарного обвинения в неэтичном профессиональном поведении адвоката Т., а именно в обещании доверителю положительного результата по гражданскому делу, находившемуся в производстве Д. городского суда Московской области, и в предложении заявителю «неформального решения вопросов с использованием личных связей в ГСУ ГУ МВД по городу Москве».

Заявитель С. Л.В. в жалобе указывает, что решение заключить соглашения с адвокатом Т. ею было принято под влиянием устных заверений последней в том, что «дело заявителя является простым, а правовая ситуация однозначно в пользу заявителя», что создало у нее убеждение в гарантированности положительного результата. Адвокат Т., в свою очередь, данное дисциплинарное обвинение категорически отвергала.

В соответствии с пп. 6 и 7 п. 2 и п. 3 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката в жалобе заявителя должны быть указаны конкретные действия (бездействие) адвоката, в которых выразилось нарушение им требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, а также обстоятельства, на которых лицо, обратившееся с жалобой, основывает свои требования, и доказательства, подтверждающие эти обстоятельства. Поскольку каких-либо доказательств рассматриваемого дисциплинарного обвинения заявителем не представлено Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает презумпцию добросовестности адвоката Т. в рассматриваемой части неопровергнутой, а дисциплинарное производство – подлежащим прекращению.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Т. за совершенные нарушения, Совет учитывает их множественный и умышленный характер, свидетельствующий об игнорировании адвокатом основополагающих требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и ненадлежащем исполнении профессиональных обязанностей перед доверителем. Подобное профессиональное поведение не может быть признано формальным и малозначительным нарушением и требует пересмотра и принципиального изменения со стороны адвоката. При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о применении к адвокату Т. меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения, как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Применить к адвокату Т. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов) меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей:

– перед доверителем Со. (ранее Ст.) Л.В., выразившееся в том, что, получив от доверителя 21 февраля, 06 и 07 марта 2025 года на личный счет в банке вознаграждение за оказание ей юридической помощи в общей сумме 400 000 рублей по Соглашению от 24 декабря 2024 года № ..., она внесла полученные денежные средства на расчетный счет адвокатского образования (МКА «Ю.») лишь 17 ноября 2025 года, после прекращения оказания юридической помощи, и не выдала доверителю Со. (ранее Ст.) Л.В. финансовые документы о совершении операций с ее денежными средствами в порядке, установленном действующим законодательством;

– перед доверителем ООО «К.», выразившееся в том, что, получив от доверителя 30 января 2025 года на личный счет в банке вознаграждение за оказание юридической помощи по Соглашениям от 24 декабря 2024 года № ..., от 28 декабря 2024 года № .. и № ... в общей сумме 350 000 рублей, она внесла полученные денежные средства на расчетный счет адвокатского образования (МКА «Ю.») лишь 17 ноября 2025 года, после прекращения оказания юридической помощи, и не выдала Обществу финансовые документы о совершении операций с его денежными средствами в порядке, установленном действующим законодательством;

ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем ООО «К.», выразившемся в том, что, заключив с доверителем Соглашение от 24 декабря 2024 года № 1 об оказании юридической помощи по сопровождению деятельности Общества, она не оказала доверителю никакой юридической помощи, а также в том, что, заключив с доверителем 28 декабря 2024 года Соглашение № ... об оказании юридической помощи в Арбитражном суде Московской области по делу об истребовании у Ст. П.Э.Л. документов общества, адвокат Т. самоустранилась от оказания юридической помощи по соглашению, перепоручив ее оказание адвокату П.;

ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката (Участвуя в судопроизводстве, а также представляя интересы доверителя в органах государственной власти и органах местного самоуправления, адвокат должен

соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства), исполнение адвокатом профессиональных обязанностей перед доверителем Со. (ранее Ст.) Л.В., выразившееся в том, что при оказании доверителю юридической помощи на основании Соглашения от 28 декабря 2024 года № ... по гражданскому делу № ... о разделе имущества супругов Ст., находившемся в производстве Д. городского суда Московской области, она после отмены принятого судом заочного решения по делу, по существу рассматриваемых судом требований истца Ст. П.Э.Л. ограничилась подготовкой в интересах доверителя одного процессуального письменного документа – заявления о пропуске истцом срока исковой давности, в котором не указала никаких сведений либо обстоятельств, относящихся к делу, в том числе не указала, с какой даты и по каким основаниям необходимо исчислять начало течения срока исковой давности, в нарушение требований п. 1 ст. 56 ГПК РФ не приложила к этому заявлению каких-либо доказательств, подтверждающих довод о пропуске срока исковой давности, а также не подготовила никаких иных процессуальных документов по существу спора в защиту интересов доверителя, в том числе возражений против иска с приложением доказательств в обоснование позиции, что повлекло за собой для доверителя Со. (ранее Ст.) Л.В. фактическую невозможность отстаивания своих интересов в вышестоящих судебных инстанциях.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство в отношении адвоката Т. по жалобам Со. (ранее Ст.) Л.В. от 15 декабря 2025 года (вх. № ... от ...) и ООО «К.» в лице генерального директора Со. (ранее Ст.) Л.В. от 15 декабря 2025 года (вх. № ... от ...) вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков